

Адресат и адресант в диалектном дискурсе

Я.В.Мызникова

Санкт-Петербургский государственный университет

*адресат, адресант, коммуникативный акт, пресуппозиция, диалектный дискурс,
коммуникативная неудача*

Основой любого процесса речевой коммуникации являются участники этого процесса: адресант со своим речевым намерением и адресат со своими языковыми, социальными и психологическими особенностями. Если цель коммуникативного акта определяет адресант, то его уместность, а значит, и успешность во многом зависят от адресата, который должен быть лицом, "подходящим" для решения поставленной коммуникативной задачи в заданных условиях общения. М.М.Бахтин указывает, что отбор адресантом языковых средств при порождении высказывания производится под большим или меньшим влиянием адресата и его превосходящей ответной реакции [Бахтин 1979: 280]. Фактически выход на собеседника означает выход на его *понятийное поле*, на котором понятия могут группироваться весьма непривычным для адресанта образом, а предмет разговора может вообще отсутствовать в системе представлений адресата.

Данное положение особенно актуально для ситуации диалектной коммуникации с участием собирателя и информанта, представляющих различные социумы с разной культурной пресуппозицией. Материал для данного исследования был записан в нескольких населенных пунктах – селах и деревнях – Старомайнского района Ульяновской области (Кременки, Кременские Выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка).

Общие для коммуникантов пресуппозиции определяются чаще всего в категориях энциклопедического знания о мире. Выражением такого знания являются представления о родовидовых и структурных особенностях предметного мира, т.е. *таксономические* представления. Однако для деревенского мироустройства с его практической направленностью более актуальными являются не таксономические представления, а причинно-следственные связи. Поэтому пресуппозиции собирателя и информанта могут быть весьма различными, что может приводить к коммуникативным неудачам. Например:

Собиратель: – *А как-то по-особенному назывались открытое крыльцо и закрытое, различались?*

Информант: – *Да, есь чем / покроеш / ну а нет – оно открыто...*

Собиратель: – *Нет, они как-то назывались по-разному открытое крыльцо и закрытое?*

Информант: – *Ну конечно / если дождик идет он сухой! //*

Однако пресуппозиции отнюдь не исчерпываются энциклопедическими сведениями о мире. В их состав входят еще и так называемые *фреймы*, или *сценарии*, которые предполагают наличие у коммуникантов сложившихся представлений о речевых жанрах и соответствующих им коммуникативных стратегиях, своеобразных речевых "ритуалах". Так, например, для адресата-диалектоносителя обращенная к нему просьба сообщить некоторые сведения о прежней жизни непосредственно связана со сценарием (жанром) рассказа-воспоминания.

На фоне общей пресуппозиции еще одной важной задачей того, кто намерен предложить собеседнику акт общения, является создание условий для корректной референции. Референция – соотнесение слова (единицы языка) и элемента предметного мира. Референт должен быть корректно представлен и опознан в высказывании. Ответственность за несовпадение референтов говорящего и слушателя, в результате чего в сознании слушателя происходит замещение

“запланированного” референта случайным, лежит в первую очередь на говорящем. Ведь результатом “подмены” референта может стать коммуникативная неудача. В приведенном ниже фрагменте диалога собирателя с диалектоносителем происходит как раз подмена референта при восприятии обращенной к нему речи адресатом. Для того понятия-денотата, которое запрашивается собирателем, информант пытается подобрать соответствующий референт а реальном окружающем его предметном мире:

Собиратель: – *Как называлась земля, которая примыкала к усадьбе?*

Информант: – *Кто чай знат эт где вить запомниш а где и не запомнишь / как там оно называлось // Улицы у нас там назывались / эт сичас там Мичурина да то фсе / Курзюм / вот эт Курзюм назывался у нас / Кайбела там вот называлась / вот где я жила под горой Выселки оне назывались //*

Вообще следует отметить, что диалектоноситель любой вопрос собирателя пытается соотносить в первую очередь с конкретным референтом из непосредственно окружающего его предметного мира. Так, спрашивая о наименованиях различных реалий, например, о названиях разновидностей домашней скотины, собиратели подразумевают обозначения определенных понятий, а именно: как в данном говоре именуют корову вообще, как вид крупного рогатого скота, а не как зовут данное конкретное животное. Информант же погружен в конкретный ситуативный контекст, не может от него абстрагироваться и думать и говорить обобщенно: *У каждой корови есть имя свое.* Таким образом, вместо обозначения обобщенного десигната, собиратель получает наименования конкретного денотата:

Собиратель: – *А дойную корову как-нибудь ласково называли / может быть / доенка?*

Информант: – *Своём имем //*

Собиратель: – *Скажите / а по цвету / по масти как-то называли коров по-разному?*

Информант: – *Букетка Красотка / Красулька / Пестрафка / Рыжонка / Планета / Венера / Луна...*

Различия в когнитивных навыках собирателя и информанта, проявляющиеся в несовпадении научного и наивного представлений о теме разговора, могут стать еще одной причиной коммуникативных неудач в процессе сбора диалектного материала. Антропоцентричность, ситуативность и прагматическое отношение к понятиям проявляется во всех ответах информантов, им важна не каталогизация явлений, а значение для жизни и деятельности человека:

Собиратель: – *А вы знаете слово такое / леденец?*

Информант: – *Ну и чо эта / для чево?*

Собиратель: – *А если очень холодно / как вы скажете?*

Информант: – *Скажем холодно / тапить надо //*

Категоризация предметов и явлений действительности в коллективистских культурах происходит не на основе их общих признаков, свойств и законов формальной логики (как в индивидуалистских культурах), а на основе их взаимодействия и соотношений в реальной действительности [Choi, Nisbett, Smith 1997].

Отказ информанта признать в принципе наличие предмета разговора приводит к заключению о существовании и других проблем не объективного, а культурно-психологического порядка:

Собиратель: *Теть Марусь / расскажите пожалуйста / у вас наверное огород есть?*

Информант: *Нет у меня никаво ничево / адна я // Ни агарода ничево // Адна я / и палка вот мая // Больше нет у меня ничево //*

Часто информанты выражают сомнение в своей языковой компетенции, считая, что все уже есть в книгах и интернете. В коллективистских культурах люди предпо-

читают знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе, а в индивидуалистских культурах – наоборот, индивид больше склонен знать (и говорить) о себе, чем о других. Людям из коллективистских культур поведение участников индивидуалистских культур обычно представляется эгоистичным и нескромным.

Таким образом, в процессе сбора диалектного материала могут возникнуть трудности с мотивацией информантов на установление контакта, что может быть обусловлено недостаточной коммуникативной компетенцией собирателей. Часто препятствием к установлению коммуникации становится общекультурная оппозиция *свой-чужой*. Участники диалектологических экспедиций сталкивались с проявлением этой оппозиции на разных уровнях: языковом (*свой/чужой* говор), профессиональном (*своя/чужая* вера), социальном (*свой/чужой* социум, коллектив, сообщество). Явное противопоставление *мы – свои / они – чужие* характерно для сообществ коллективистского типа с низкой терпимостью к неопределенности [Hofstede 2001: 175, 231]. В таких коллективах неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт, чужое считается опасным.

С проявлением оппозиции *свой-чужой* может быть связано этическое табуирование некоторых тем разговора, отказ информантов “признать” наличие в их говоре искомой лексики, особенно, если это касается экспрессивной лексики. Так, жители села Базарно-Мордовские Юрткули весьма неохотно поддерживали разговор на тему мужских и женских прозвищ, хотя до этого сообщили: *Здесь ни одной бабы нет / шобы прозвища ей не было // И у мужикоф...*

При “столкновении” с “чужими” принадлежность к “своему” коллективу становится для информанта-диалектоносителя регулятором поведения. Гармония и сохранение мира – важные ценности коллективизма, один из принципов которого – “не выносить сор из избы”.

В процессе коммуникации диалектолога с диалектоносителем неоднократно происходит смена ролей, в результате чего собиратель также оказывается в роли адресата. В этом случае различия в информационных базах собеседников не всегда успешно преодолеваются говорящим-диалектоносителем. Часто такие конкретизаторы, как имена собственные и топонимы, в повествовании диалектоносителя остаются без поясняющих комментариев, соотносящих их с конкретным денотатом. По словам В.Е.Гольдина, “в речи, обращенной к диалектологу, лица, входящие в личную сферу говорящего, нередко упоминаются без использования интродуктивных средств, то есть сразу в форме конкретной номинации именем собственным или посредством местоименной анафорической номинации, как если бы они ранее уже были введены в повествование, хорошо известны собеседнику и находятся в актуализированной сфере его сознания” [Гольдин 2000: 225]. Эта особенность сигнализирует о том, что слушатель включен в круг “своих”, поэтому адресованное ему высказывание соответствует коммуникативной диалектной норме, предполагающей неофициальный разговорный тип общения между людьми, хорошо знающими друг друга.

Иногда информант, осознавая различие в информационных базах своей и собирателя, стремится в еще большей степени конкретизировать ситуацию: *А у Торгоша / вот виш Торгош / ево Миша Хохлачэф зовут / а зовут Торгош / зачем Торгошей назвали // И вот эт Торгош / загородил забор / один штакетник вот так / другой штакетник вот так...*

Таким образом, как речевая компетенция обоих коммуникантов, так и их фоновые знания и представления о мире могут не совпадать. Это приводит к тому, что смысл и референция, которыми говорящий снабжает свое высказывание, могут не соответствовать тому, что приписывает высказыванию реципиент. В этом случае можно сказать, что говорящий не учитывает фактор адресата. Адресат же, интерпретируя высказывание, соответственно неправильно выводит значение.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

Гольдин В.Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуация неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики: Сб. ст. – Томск, 2000. – С.224-229.

Choi I. Culture, category salience, and inductive reasoning / I.Choi, R.E.Nisbett, E.E.Smith // Cognition. – 1997. – 65. – P.15-32.

Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations. – SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA, 2001. – 597 p.